

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов
На мельнице

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176224

Антон Павлович Чехов

На мельнице

Мельник Алексей Бирюков, здоровенный, коренастый мужчина средних лет, фигурой и лицом похожий на тех топорных, толстокожих и тяжело ступающих матросов, которые снятся детям после чтения Жюль Верна, сидел у порога своей хижины и лениво сосал потухшую трубку. На этот раз он был в серых штанах из грубого солдатского сукна, в больших тяжелых сапогах, но без сюртука и без шапки, хотя на дворе стояла настоящая осень, сырая и холодная. Сквозь расстегнутую жилетку свободно проникала сырая мгла, но большое, черствое, как мозоль, тело мельника, по-видимому, не ощущало холода. Красное, мясистое лицо его по обыкновению было апатично и дрябло, точно спросонок, маленькие, заплывшие глазки угрюмо исподлобья глядели по сторонам то на плотину, то на два сарая с навесами, то на старые, неуклюжие ветлы.

Около сараев сустились два только что приехавших монастырских монаха: один Клиопа, высокий и седой старик в обрызганной грязью рясе и в латаной скуфейке, другой Диодор, чернобородый и смуглый, по-видимому, грузин родом, в обыкновенном мужицком тулупе. Они снимали с телег мешки с рожью, привезенной ими для помола. Несколько поодаль от них на темной, грязной траве сидел работник

Евсей, молодой, безусый парень в рваном кургузом тулупе и совершенно пьяный. Он мял в руках рыболовную сеть и делал вид, что починяет ее.

Мельник долго водил глазами и молчал, потом уставился на монахов, таскавших мешки, и проговорил густым басом:

– Вы, монахи, зачем это в реке рыбу ловите? Кто вам дозволил?

Монахи ничего не ответили и даже не взглянули на мельника.

Тот помолчал, закурил трубку и продолжал:

– Сами ловите да еще посадским мешчанам позволяете. Я в посаде и у вас реку на откуп взял, деньги вам плачу, стало быть, рыба моя и никто не имеет полного права ловить ее. Богу молитесь, а воровать за грех не считаете.

Мельник зевнул, помолчал и продолжал ворчать:

– Ишь ты, какую моду взяли! Думают, что как монахи, в святые записались, так на них и управы нет. Возьму вот и подам мировому. Мировой не поглядит на твою рясу, на-сидишься ты у него в холодной. А то и сам, без мирового справлюсь. Попаду на реке и так шею накостыляю, что до страшного суда рыбы не захочешь!

– Напрасно вы такие слова говорите, Алексей Дорофеич! – проговорил Клиопа тихим тенорком. – Добрые люди, которые бога боятся, таких слов собаке не говорят, а ведь мы монахи!

– Монахи, – передразнил мельник. – Тебе понадобилась

рыба? Да? Так ты купи у меня, а не воруй!

– Господи, да нешто мы ворует? – поморщился Клиопа. – Зачем такие слова? Наши послушники ловили рыбу, это точно, но ведь на это они от отца архимандрита дозволение имели. Отец архимандрит так рассуждают, что деньги взяты с вас не за всю реку, а только за то, чтоб вы на нашем берегу имели право сети ставить. Река не вся вам дадена... Она не ваша и не наша, а божья...

– И архимандрит такой же, как ты, – проворчал мельник, стуча трубкой по сапогу. – Любит обшить, тоже! А я разбирать не стану. Для меня архимандрит всё равно что ты или вот Евсей. Попаду его на реке, так и ему влетит...

– А что вы собираетесь бить монахов, так это как вам угодно. Для нас же на том свете лучше будет. Вы уж били Виссарiona и Антипия, так бейте и других.

– Замолчи, не трогай его! – проговорил Диодор, дергая Клиопу за рукав.

Клиопа спохватился, умолк и стал таскать мешки, мельник же продолжал браниться. Ворчал он лениво, посасывая после каждой фразы трубку и сплевывая. Когда иссяк рыбный вопрос, он вспомнил о каких-то его собственных двух мешках, которые якобы «зажулили» когда-то монахи, и стал браниться из-за мешков, потом, заметив, что Евсей пьян и не работает, он оставил в покое монахов и набросился на работника, оглашая воздух отборною, отвратительною руганью.

Монахи сначала крепились и только громко вздыхали, но

скоро Клиопа не вынес... Он всплеснул руками и произнес плачущим голосом:

– Владыка святой, нет для меня тягостнее послушания, как на мельницу ездить! Сущий ад! Ад, истинно ад!

– А ты не езд! – огрызнулся мельник.

– Царица небесная, рады бы сюда не ездить, да где же нам другую мельницу взять? Сам посуди, кроме тебя тут в окружности ни одной мельницы нет! Просто хоть с голоду помирай или немолотое зерно кушай!

Мельник не унимался и продолжал сыпать во все стороны ругань. Видно было, что ворчанье и ругань составляли для него такую же привычку, как сосанье трубки.

– Хоть ты нечистого не поминай! – умолял Клиопа, оторопело мигая глазами. – Ну помолчи, сделай милость!

Скоро мельник умолк, но не потому, что его умолял Клиопа. На плотине показалась какая-то старуха, маленькая, кругленькая, с добродушным лицом, в каком-то странном полосатом салопике, похожем на спинку жука. Она несла небольшой узелок и подпиралась маленькой палочкой...

– Здравствуйте, батюшки! – зашепелявила она, низко кланяясь монахам. – Помогай бог! Здравствуй, Алешенька! Здравствуй, Евсеюшка!..

– Здравствуйте, маменька, – пробормотал мельник, не глядя на старуху и хмурясь.

– А я к тебе в гости, батюшка мой! – сказала она, улыбаясь и нежно заглядывая в лицо мельника. – Давно не видала.

Почитай, с самого Успеньева дня не видались... Рад не рад, а уж принимай! А ты словно похудел будто...

Старушонка уселась рядом с мельником, и около этого громадного человека ее салопик еще более стал походить на жука.

– Да, с Успеньева дня! – продолжала она. – Соскучилась, вся душа по тебе выболела, сыночек, а как соберусь к тебе, то или дождь пойдет, или заболею...

– Сейчас вы из посада? – угрюмо спросил мельник.

– Из посада... Прямо из дому...

– При ваших болезнях и при такой комплекции вам дома сидеть нужно, а не по гостям ходить. Ну, зачем вы пришли? Башмаков не жалко!

– Поглядеть на тебя пришла... Их у меня, сынов-то, двое, – обратилась она к монахам, – этот, да еще Василий, что в посаде. Двоечко. Им-то всё равно, жива я или померла, а ведь они-то у меня родные, утешение... Они без меня могут, а я без них, кажется, и дня бы не прожила... Только вот, батюшки, стара стала, ходить к нему из посада тяжело.

Наступило молчание. Монахи снесли в сарай последний мешок и сели на телегу отдыхать... Пьяный Евсей всё еще мял в руках сеть и клевал носом.

– Не вовремя пришли, маменька, – сказал мельник. – Сейчас мне в Каряжино ехать нужно.

– Езжай! с богом! – вздохнула старуха. – Не бросать же из-за меня дело... Я отдохну часик и пойду назад... Тебе,

Алешенька, кланяется Вася с детками...

– Всё еще водку трескает?

– Не то чтобы уж очень, а пьет. Нечего греха таить, пьет... Много-то пить, сам знаешь, не на что, так вот разве иной раз добрые люди поднесут... Плохое его житье, Алешенька! Намучилась я, на него глядячи... Есть нечего, детки оборванные, сам он – на улицу стыдно глаза показать, все штаны в дырах и сапогов нет... Все мы вшестером в одной комнате спим. Такая бедность, такая бедность, что горчее и придумать нельзя... С тем к тебе и шла, чтоб на бедность попросить... Ты, Алешенька, уж уважь старуху, помоги Василию... Брат ведь!

Мельник молчал и глядел в сторону.

– Он бедный, а ты – слава тебе, господи! И мельница у тебя своя, и огороды держишь, и рыбой торгуешь... Тебя господь и умудрил, и возвеличил супротив всех, и насытил... И одинокий ты... А у Васи четверо детей, я на его шее живу, окаянная, а жалованья-то всего он семь рублей получает. Где ж ему прокормить всех? Ты помоги...

Мельник молчал и старательно набивал свою трубку.

– Дашь? – спросила старуха.

Мельник молчал, точно воды в рот набрал. Не дождавись ответа, старуха вздохнула, обвела глазами монахов, Евсея, встала и сказала:

– Ну бог с тобой, не давай. Я и знала, что не дашь... Пришла я к тебе больше из-за Назара Андреича... Плачет уж

очень, Алешенька! Руки мне целовал и всё просил меня, чтоб я сходила к тебе и упросила...

– Чего ему?

– Просит, чтоб ты ему долг отдал. Отвез, говорит, я ему рожь для помолу, а он назад и не отдал.

– Не ваше дело, маменька, в чужие дела мешаться, – проворчал мельник. – Ваше дело богу молиться.

– Я и молюсь, да уж что-то бог моих молитв не слушает. Василий нищий, сама я побираюсь и в чужом салопе хожу, ты хорошо живешь, но бог тебя знает, какая душа у тебя. Ох, Алешенька, испортили тебя глаза завистливые! Всем ты у меня хорош: и умен, и красавец, и из купцов купец, но не похож ты на настоящего человека! Неприветливый, никогда не улыбнешься, доброго слова не скажешь, немилостивый, словно зверь какой... Ишь какое лицо! А что народ про тебя рассказывает, горе ты мое! Спроси-ка вот батюшек! Врут, будто ты народ сосешь, насильничаешь, со своими разбойниками-работниками по ночам прохожих грабишь да коней воруешь... Твоя мельница, словно место какое проклятое... Девки и ребята близко подходить боятся, всякая тварь тебя сторонится. Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин и Ирод...

– Глупые вы, маменька!

– Куда ни ступишь – трава не растет, куда ни дыхнешь – муха не летает. Только и слышу я: «Ах, хоть бы его скорей кто убил или засудили!» Каково-то матери слышать всё это?

Каково? Ведь ты мне родное дитя, кровь моя...

– Одначе мне ехать пора, – проговорил мельник, поднимаясь. – Прощайте, маменька!

Мельник выкатил из сарая дроги, вывел лошадь и, втолкнув ее, как собачонку, между оглобель, начал запрягать. Старуха ходила возле него, заглядывала ему в лицо и слезливо моргала.

– Ну, прощай! – сказала она, когда сын ее стал быстро натягивать на себя кафтан. – Оставайся тут с богом, да не забывай нас. Постой, я тебе гостинца дам... – забормотала она, понизив голос и развязывая узел. – Вчерась была у дьяконицы и там угощали... так вот я для тебя спрятала...

И старуха протянула к сыну руку с небольшим мятным пряником...

– Отстаньте вы! – крикнул мельник и отстранил ее руку.

Старуха сконфузилась, уронила пряник и тихо поплелась к плотине... Сцена эта произвела тяжелое впечатление. Не говоря уж о монахах, которые вскрикнули и в ужасе развели руками, даже пьяный Евсей окаменел и испуганно уставился на своего хозяина. Понял ли мельник выражение лиц монахов и работника, или, быть может, в груди его шевельнулось давно уже уснувшее чувство, но только и на его лице мелькнуло что-то вроде испуга...

– Маменька! – крикнул он.

Старуха вздрогнула и оглянулась. Мельник торопливо полез в карман и достал оттуда большой кожаный кошелек...

– Вот вам... – пробормотал он, вытаскивая из кошелька комок, состоявший из бумажек и серебра. – Берите!

Он покрутил в руке этот комок, помял, для чего-то оглянулся на монахов, потом опять помял. Бумажки и серебряные деньги, скользя меж пальцев, друг за дружкой попадали обратно в кошелек, и в руке остался один только двугривенный... Мельник оглядел его, потер между пальцами и, крикнув, побагровев, подал его матери.